

ЛитРес:

ФАНТАСТИКА

**Александр «Котобус»
Горбов**

Пасынки чудес

ЛитРес:

МОСКВА

2022

Горбов А.К.

Пасынки чудес / А. Горбов — М: ЛитРес: Издательство, 2022

ISBN 978-5-535-12565-7

Волшебник, решивший стать богом. Девушка с могущественным артефактом. Жрец мёртвой богини. Голубоглазый мальчик-раб и древнее чудовище-дэв. Что у них общего? Для чего их влечет Лестница упирающаяся в небо? Кто из них поднимется на седьмую ступень и решит судьбу целого мира?

ISBN 978-5-535-12565-7

© Горбов А., 2022

© ООО "ЛитРес", 2022

Глава 1 – Нарушенное равновесие

Никогда не спят боги, дэвы и колдуны. В конце полуночной стражи волшебник-шуофкан Хан-го перестал притворяться и открыл глаза.

Рядом на постели заворочалась обнажённая женщина: улыбнулась во сне, провела рукой по его груди, тронула губами плечо.

– Тшшш!

Хан-го легонько подул ей в лицо, усыпляя, и выскользнул из объятий. Не одеваясь, подошёл к окну. Бросил взгляд на звёзды, крадущиеся между ветвями деревьев. Запрокинул лысую голову, прикрыл глаза и прислушался.

Движение Сил было нарушено. Текущие раньше спокойным потоком, теперь они бурлили, закручивались водоворотами, кипели как вода в казане. Кто посмел возмутить вековечный порядок? Ответа не было.

Волшебник поднял руку и дёрнул пальцами невидимые струны. Одежда, цветастые штаны и черный халат брошенные на полу, взвились облаком и за мгновение одели Хан-го. Кто-то скажет: зряшная трата сил. Шуофканы могли бы ответить, что для магии нет дел высоких или низких. Но спорить в столь поздний час было некому.

На прощание Хан-го поцеловал женщину в шею, провёл по тяжелой груди ладонью. И покинул дом прежде, чем она могла бы проснуться.

– Спите жители Гаазира, – гремели колотушками где-то рядом ночные сторожа, – в Гаазире всё спокойно!

Шуофкан не заметил их крики. Скользя по тёмным улицам, он вслушивался в дрожащие Силы, мерил

набегающие «приливы», с каждым шагом волнуясь всё больше.

Где-то рядом послышался тонкий плач, переходящий в отвратительный вой. Хан-го обернулся на звук: маленький храм, одного из Семнадцати. Какого именно бога, волшебник не помнил. Всегда освещённый неугасимым огнём на алтаре, теперь он стоял с чёрными дырами окон.

Долг каждого шуофкана следить за порядком и ноги Хан-го сами понесли его в тёмный храм. В руке зажглась искра холодного пламени, освещая мрак ярким голубым светом. Истёртые камни пола, расписанные узором из листьев стены, растрескавшаяся глыба алтаря исходит чёрным дымом. Скорчившийся на полу мужчина, хрипло воющий на одной ноте.

– Что случилось?

Шуофкан наклонился над мелко дрожащим жрецом.

– Она ушла, – по лицу толстяка катились слёзы, – забрала огонь и удалилась. Госпожа оставила нас!

Такое изредка случалось: божество могло погасить своё пламя в святилище, где жрецы были не слишком ревностны. Хан-го, как и все волшебники, не любил богов. Скривившись, он подошёл к алтарю, осветил камень. Резьба, со сценами из мифов хозяйки храма, осыпалась песком. Уже было не разобрать, что изваял древний резчик. Луч света упал на стены: фрески чернели на глазах, вспучивались пузырями, опадали хлопьями на пол.

– Чей это храм? – Хан-го вернулся к хнычущему жрецу, – Как зовут твою госпожу?

– Я, – толстяк прижал к лицу руки, – Я забыл! Она забрала имя! Никто не помнит!

Волшебник нахмурился, но больше допытываться не стал. Здесь случилось что-то странное, но жрец вряд ли сможет объяснить. Забирать имя? Зачем?

Он вышел на улицу и обернулся. Символ богини, выбитый над входом, оплывал как расплавленный воск. Прочитать имя было невозможно.

Хан-го зашагал дальше. Улица Трёх праведников, Кривой переулок, Малая базарная площадь. За старыми банями, построенными ещё прадедом нынешнего сердара, волшебник свернул в узкий проулок. Тридцать шагов и перед ним вход в башню Сурх.

В Гаазире башен шуофканов было ровно пятьдесят и одна. Старые, квадратные и приземистые, восьмиугольные, построенные во времена сердара Даравхуша, новые, высокие и круглые. Шуофканы владели ими сообща, проводя там исследования и творя колдовство. Двадцать лет назад башня Сурх пустовала: шумный базар неподалёку, тесные комнаты и низкие потолки. Ни один волшебник не желал работать в таких условиях. Только Хан-го, недавно закончивший обучение, обосновался здесь. Тяжёлый характер шуофкана и мрачный взгляд отпугивали любого, кто решил сунуться в одинокую башню. Через десятилетие Сурх превратилась в его личную собственность.

Дверь, запертая волшебством, отворилась, стоило Хан-го приблизиться. Шуофкан переступил порог и разулся. Гулко шлёпая босыми ступнями, поднялся по крутой лестнице в рабочий кабинет на верхнем этаже. Посреди комнаты стоял большой стол, покрытый густой вязью линий, по которым непрерывно двигались сотни крохотных фигурок. Хан-го искренне гордился этим своим творением: живой картой Сил и Фигур. Любое изменение магии отражалось здесь как в чистом зеркале.

Порой одного взгляда хватало, чтобы обнаружить нового волшебника или вычислить недруга.

Теперь, на столе творился хаос. Линии спутались, часть Фигур свалились на пол, другие стояли обугленные. Карта сломалась? Хан-го взмахнул рукой, в тщетной попытке исправить модель. Фигуры дёрнулись и остались на своих местах, упорствуя, что на карте всё верно.

Волшебник бросился к лестнице и поднялся на плоскую крышу. Раскинул руки и запрокинул голову, обращаясь к небу.

Порядок высших сфер оказался нарушен. Созвездие «Воин» подняло копьё, целясь в «Журавля». С зубов «Волка» уже капала кровь «Жрицы», а «Великан» опустил дубину на голову «Праведника». «Треугольник» превратился в квадрат, «Муха» запуталась в когтях «Камелопарда», «Жерский Крест» завалился набок и придавил «Глаз создателя». Звёзды сходили с ума и мест, неизменных тысячелетиями. Казалось, мир катится в бездну...

Из транса Хан-го выдернули крики. В первый момент ему почудилось, что начался конец света. Но нет – всего лишь наступило утро и звонкими голосами зашумел базар. Обычным людям было плевать на возмущение Сил и блуждающие звёзды. Они зазывали покупателей, яростно торговались за кувшины, верблюдов, ковры и специи, жарили в кипящем масле мясо, смотрели на танец босоногих девиц, причмокивая губами, спорили, шумели, били по рукам. Просто жили, не обращая внимания на бурю в Вышних Эмпиреях.

Шуофкан спустился обратно в кабинет. Взял с полки кувшин: очень хотелось пить, но из горлышка дохнуло затхлой сыростью. Что делать? Где искать ответы? Хан-го в ярости швырнул кувшин в стену. Черепки брызнули

фонтаном, разлетаясь по всей комнате. Совет! Ему нужна мудрость знающего. Учителя.

По лицу волшебника пробежала тень. Последние годы он редко посещал своего наставника. Слишком мягким, неторопливым казался учитель Балх. Предпочитая распутывать, а не разрубать узлы. И давно переставший быть учеником Хан-го лишь кривился, когда на общих собраниях слушал его выступления. Но сейчас обратиться за мудростью было больше не к кому. Выходя из башни, шуофкан зло хлопнул резной дверью.

Утренний город жил своей обычной жизнью. По улицам спешили водоносы и служанки, посланные на базар. Тянулась вереница гружёных верблюдов. Бродяга в драном халате и засаленной тюбетейке на чём свет стоит ругал заупрямившегося осла. Отряд гвардейцев-фарисов гремел медью, маршируя к дворцу. Пробираясь через эту сутолоку, Хан-го мучительно искал слова. Просить помощи было непривычно и неприятно. Он давно уже не тот мальчишка, которого подобрал Балх на улице Гаазира. Могущественный шуофкан, доверенное лицо владыки-сердара, мастер оружейных проклятий, Хан-го краснел от мысли, что наставник прогонит его с позором.

– А-а-а! Вы все умрёте!

Из задумчивости шуофкана вырвал дребезжащий вопль.

– Небо рушится на землю и придавит вас железным сводом!

На перекрёстке, мешая движению, стояла нищенка. Грязная косматая старуха с кривой палкой в руке.

– Демоны вырвут кишки вашим детям и сожрут их головы!

Человеческий поток огибал надрывающуюся сумасшедшую. Люди делали знаки от сглаза и отводили взгляды.

– Ты! – палка указала на шуофкана, – Ты будешь проклят! Душежор и людоед! Не видать тебе Лестницы! Выкуси!

Хан-го досадливо поморщился и щёлкнул костяшками. Нищенка замолчала и рухнула в мягкую дорожную пыль. Булькая, прижала к лицу ладони. Между грязными пальцами выступила кровь. А шуофкан уходил прочь, уже забыв про сумасшедшую.

Учитель Балх так давно был волшебником, что и сам не помнил, когда было по-другому. Даже свой дом он выстроил наподобие башни: круглый, высотой в три этажа, с узкими окнами-бойницами. Входная дверь никогда не запиралась, всегда открытая для многочисленных учеников и друзей. Хан-го не был здесь много лет, но стоило переступить порог и он внезапно ощутил себя тем юным волшебником, что боготворил наставника.

Хан-го разулся у входа и шлёпая пятками по каменным плиткам, вошёл в большую комнату, где обычно собирались гости.

– Я ждал тебя раньше.

Балх сидел на ковре у дальней стены, скрестив ноги. Рядом, на маленьком столике с резными ножками, стоял чайник и две пиалы.

– Наставник, – Хан-го приложил правую ладонь к сердцу и поклонился.

– Брось, ты уже давно не мой ученик. Садись, поговорим как два старых мудрых волшебника.

Гость устроился напротив, почтительно сложив руки на коленях. Балх налил чай в пиалы и подал одну Хан-го.